

Об актуальности концепции «criminal matter» в современном российском правовом пространстве

Научный руководитель – Жарёнов Александр Алексеевич

Фесюн Максим Викторович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: maks.fesyun@mail.ru

Концепция «criminal matter», которая на русский язык чаще всего переводится как «доктрина уголовно-правовой сферы», во многом разработанная Европейским Судом по правам человека и подробно описанная в нескольких фундаментальных российских работах[1][2], не нуждается в широком представлении. Её целью является распространение уголовно-процессуальных гарантий на все случаи, когда государство желает применить наказание к лицу, вне зависимости от формального отношения отрасли права к уголовному. ЕСПЧ предлагает опираться на такие критерии, как «суть правонарушения» и «степень суровости возможного наказания»[1;48] В Постановлении по делу "Менешева против Российской Федерации" от 9 марта 2006 года, ЕСПЧ указал на «карательную цель наказания», которую тоже справедливо будет считать одним из критериев сферы «criminal matter».

Проблема заключается в том, что российская наука уголовного процесса и уголовного права в след за ЕСПЧ в контексте данной концепции направляют основной поток критики исключительно на российское право административных правонарушений, справедливо отмечая «парауголовный» характер данной отрасли и не менее справедливо требуя распространить на неё классические уголовно-процессуальные гарантии[1;50].

Однако в современной России уже далеко не только многократно избитый Кодекс административных правонарушений не наделяет лицо, привлекаемое к ответственности, соответствующими гарантиями. Таких законов за последнее десятилетие в российском правовом поле накопилось немало, и, к сожалению, уголовно-правовые науки пока что не подвергли данные законы критике в том объёме, в котором она необходима.

Если опираться только на вышеуказанные критерии, выработанные ЕСПЧ, то в современном российском правовом порядке к сфере «criminal matter» однозначно стоит отнести, как минимум, Закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее - Закон о контроле), Закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее - Закон об иноагентах), Закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (далее - Закон о мерах воздействия), Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (Далее - Закон о легализации)».

Закон о контроле получил большой резонанс в связи со знаменитыми «антикоррупционными исками» прокуратуры, заявляемые последней в рамках гражданского процесса. Хотя очевидно, что речь в данных процессах идёт об исключительно «карательной» процедуре чиновника, неспособного доказать законность происхождения доходов. Подобные процессы нередко проводятся всего в 1-2 заседания, в некоторых подобных делах по аналогии с УПК применяется допрос «секретного свидетеля», однако почему-то

предоставлять «по аналогии» гарантии уголовно-процессуального закона пока никто не торопится [3].

Закон об иноагентах, изначально действительно имевший меньшие репрессивные начала, со временем тоже превратился в меру преследования со стороны государства, т.к. сегодня статус «иностранный агент» накладывает достаточно обременительные ограничения, например в виде невозможности осуществления многих видов деятельности (от педагогической до политической). При этом статус иностранного агента присваивается не то, что не в рамках уголовного процесса, он вообще присваивается во внесудебном порядке путём опубликования соответствующих списков Министерством Юстиции.

Закон о мерах воздействия тоже представляет из себя целый набор репрессивных мер, самой известной из которой, наверное, стала признание деятельности определённых организаций нежелательной. И это, как понятно, не просто оценка репутации, а юридический статус, фактически лишаящий организацию правоспособности на территории России (т.к. она попросту не может функционировать и должна прекратить свою деятельность на территории страны). И решение о таком признании снова выносится вне суда, уже Генеральной прокуратурой (п.4 ст. 3.1 Закона о мерах воздействия), не говоря уже о таком же отсутствии уголовно-процессуальных гарантий, как и в предыдущих случаях.

Закон о легализации в данном случае интересует нас в части введённого им перечня «террористов и экстремистов». Последствием внесения лица в данный перечень означает практически полную невозможность в дальнейшем пользоваться своими счетами на территории России. Основание такого внесения - снова не приговор, вступивший в законную силу. Точнее, может быть и он, но равной с ним юридической силой обладает, например, решение прокурора об административном приостановлении деятельности или постановление о возбуждении уголовного дела (п.2.1 ст. 6 Закона о легализации).

Таким образом, в современной России уже далеко не только КоАП должен критически оцениваться с точки зрения доктрины «criminal matter». Несмотря на то, что уже несколько лет юрисдикция ЕСПЧ не распространяется на Россию, выработанная им концепция с доктринальной точки зрения не просто не является устаревшей, а ещё более актуальной в контексте появления всё большего количества репрессивных законов, многие из которых даже не озабочены предоставлением судебного разбирательства в принципе, не то что уголовно-процессуальных гарантий.

В завершение мы бы хотели подчеркнуть ещё очень важный аспект. ЕСПЧ и доктрина в основном обращают внимание на «карательный» характер отрасли, которая подпадает в сферу «criminal matter». Но мы бы хотели заявить о ещё одном важном критерии, который можно условно назвать «стигматизирующим». Если в результате определённого решения лицо получает «клеймо» в виде «коррупционера», «террориста», «экстремиста» или другой «статус», которым оперирует уголовное или «парауголовное» законодательство, то такое решение может быть вынесено исключительно с предоставлением лицу уголовно-процессуальных гарантий, даже если оно, например, не имеет серьёзных карательных последствий.

Источники и литература

- 1) Головкин Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие, № 1 (5), с. 42-52
- 2) Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // "Государство и право", № 3, 2000

- 3) Жарёнов А.А. Антикоррупционные иски прокуратуры: можно ли пренебречь уголовно-процессуальными гарантиями? // Закон № 11, с. 112-115